УДК 2-18, 2-46, 2-78, 271

Биомедицина и вызов христианским ценностям: православная биоэтика в эпоху биомедицинских технологий*

Д. В. Михель[1,2], *О. Н. Резник*[3,4]

[1] Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Российская Федерация, 119571, Москва, пр. Вернадского, 82
[2] Институт всеобщей истории РАН,
Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский пр., 32А
[3] Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова,
Российская Федерация, 197022, Санкт-Петербург, ул. Льва Толстого, 6–8
[4] Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт скорой помощи имени И. И. Джанелидзе,
Российская Федерация, 192242, Санкт-Петербург, ул. Будапештская, 3

Для цитирования: *Михель Д. В., Резник О. Н.* Биомедицина и вызов христианским ценностям: православная биоэтика в эпоху биомедицинских технологий // Вопросы теологии. 2022. Т. 4, № 2. С. 241–259. https://doi.org/10.21638/spbu28.2022.205

Уже тридцать лет Россия живет в условиях рыночной экономики, и все это время развиваются биомедицинские технологии. Православная общественность рассматривает прогресс биомедицины как вызов христианским ценностям, который нуждается в адекватном этическом осмыслении и реакции. Ответ на него формулируется православной биоэтикой, которая представляет собой систематическое знание о границах допустимого биомедицинского манипулирования жизнью и смертью человека. Развивающие биоэтику православные ученые видят свою задачу в том, чтобы защитить человеческое достоинство, традиционную семью и другие христианские ценности от опасностей, сопряженных с последствиями распространения новых технологий. Особую актуальность для православной биоэтики все эти годы имеют этические проблемы,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44043.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022
© Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 2022

связанные с распространением технологии экстракорпорального оплодотворения (ЭКО), поскольку они допускают манипулирование человеческими эмбрионами не как личностями, а как простыми биологическими объектами. Некоторые биоэтические предложения, подготовленные православными учеными, сопряжены с критикой появляющихся правовых норм и государственных решений, направленных на поддержку ЭКО. Для православной биоэтики столь же важны и проблемы, касающиеся развития трансплантологии, поскольку в России на правовом уровне допускается получение органов от посмертного донора на основе презумпции согласия. В настоящий момент вся сфера трансплантологии продолжает регулироваться правовыми нормами, принятыми в начале 1990-х годов, что объясняет готовность со стороны православных ученых оспаривать некоторые из этих норм.

Ключевые слова: биомедицинские технологии, христианские ценности, православная биоэтика, экстракорпоральное оплодотворение, эмбрионы, трансплантология, изъятие органов.

Введение

2 марта 2006 г. в Москве по инициативе Отдела внешних церковных связей Московского патриархата и Фонда имени Конрада Аденауэра (Германия) начала работать конференция «Развитие биотехнологий: вызовы христианской этике». Ей предшествовало проведение экспертного совещания на тему «Актуальные вопросы биоэтики. Церковный и общественный взгляд», на котором была подтверждена необходимость привлечь широкий круг церковных и светских ученых к обсуждению проблем современной биомедицинской практики. Заглавный доклад на конференции был сделан Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом, в ту пору митрополитом Смоленским и Калининградским. Он отметил, что стремительное развитие биотехнологий бросает вызов фундаментальным основам и базовым принципам христианской веры. Кроме того, патриарх подчеркнул: поскольку дальнейший прогресс в сфере биотехнологий заключает в себе один из серьезнейших вызовов будущему всего человеческого рода, этот вопрос не может рассматриваться как область профессиональной ответственности только узкого круга специалистов и к его обсуждению необходимо привлечь самый широкий круг богословов, философов, медиков, биологов, юристов, политиков, общественных деятелей[1].

В первой части доклада внимание было сосредоточено на том, что научно-технический прогресс в сфере биологии и медицины ставит серьезные нравственные вопросы перед людьми, разделяющими традиционные религиозные взгляды на проблемы человека и биосферы, общественной морали и нравственного выбора. Патриарх справедливо отметил, что, хотя биотехнологии и находят себе множество сфер применения — в здра-

[1] *Кирилл, Святейший Патриарх Московский и всея Руси.* О человеческом достоинстве и биотехнологиях // Православие и проблемы биоэтики: по материалам сборников Церковно-общественного совета по биомедицинской этике. М.: Патриаршая комиссия по вопросам семьи, защиты материнства и детства, 2017. С. 21.

воохранении, сельском хозяйстве, промышленности и т. д., — прежде всего они направлены на человека, его биологическую природу и целостность личности, включая духовно-нравственный аспект. Патриарх заявил, что в настоящее время складывается парадоксальная, нравственно противоречивая ситуация: прогресс современной науки и технологий, направленный якобы на благо человека как субъекта, все чаще низводит самого человека до уровня биологического материала, превращает его в рядовой объект манипуляций. Для подтверждения своей мысли он привел два примера: использование человеческого эмбриона в качестве объекта научных исследований и биомедицинских вмешательств и изъятие донорских органов у умершего человека без получения его прижизненного согласия или такового согласия у его родственников[2].

Эти примеры не исчерпывают всех случаев, связанных с биомедицинской практикой, которые волнуют христиан и вообще носителей традиционного религиозного сознания, но они весьма показательны. В частности, они характеризуют два полюса новых возможностей манипулирования человеческой жизнью, появившихся у современной медицины: на одном из них происходит манипулирование началом человеческой жизни — эмбрионом, на другом — ее завершением, смертью, и умершим человеком в качестве донора. Кроме того, они свидетельствуют о том, насколько эти манипуляции вступили в противоречие с традиционными христианскими ценностями, в частности с представлениями о ценности и уникальности всякой человеческой личности, которые разделяют миллионы людей.

Побуждая церковных и светских ученых с бóльшим вниманием отнестись к нравственным проблемам, сопровождающим развитие биомедицины и биотехнологий, будущий патриарх своим выступлением на конференции продемонстрировал то внимание, которое Русская православная церковь стала уделять развитию биоэтики. К моменту, когда прозвучал этот доклад, православная биоэтика делала лишь первые шаги, становясь систематическим знанием о границах допустимого биомедицинского манипулирования жизнью и смертью человека. Эти шаги были связаны с выработкой общей для Церкви и всего православного сообщества позиции по отношению к наиболее острым вопросам развития современной биомедицины. Кроме того, они были связаны с попытками соотнести только что принятые правовые нормы регулирования биомедицинских технологий с уже существующими нормами христианской морали.

В статье проводится анализ становления православной биоэтики в российском историческом контексте, причем последняя рассматривается не только как особая форма знания, но и как специфическая форма ответа со стороны православных ученых на бурное развитие биотехнологий и биомедицины, которое стало вызовом для христианской системы ценностей, разделяемой православным сообществом в России. Особое внимание уделяется случаям экстракорпорального оплодотворения (да-

[2] Там же. С. 22–23.

лее — ЭКО) и трансплантологии как разновидностям современной биомедицинской практики, больше всего связанным с манипулированием человеческой жизнью в ее начальной и завершающей стадиях.

1. Становление православной биоэтики в историческом контексте

После распада Советского Союза в 1991 г. начался процесс построения нового российского общества. Отказавшись от использования государственной идеологии, новые российские власти фактически создали условия для распространения в стране идейно-нравственного плюрализма. Вследствие этого в обществе быстро распространились самые разные взгляды, как либеральные, так и консервативные, причем первые во многом были поддержаны новой правящей элитой. Также начался процесс возрождения религиозной жизни, и Русская православная церковь впервые за многие десятилетия стала полноправной участницей диалога по важнейшим социальным вопросам.

Один из таких вопросов — охрана здоровья граждан и система оказания медицинской помощи. С распадом СССР произошло разрушение системы бесплатного советского здравоохранения, на месте которой начала выстраиваться новая, основанная главным образом на принципах рыночных отношений. Отдельные элементы новой системы сохранили черты прежней, но многое было взято из американской, которая, в свою очередь, сложилась в самом начале 1980-х годов при почти аналогичных условиях. В частности, в США после прихода к власти республиканской администрации во главе с Р. Рейганом был взят курс на неолиберальную экономическую политику. Ее закономерным итогом стал отказ от бесплатного здравоохранения в пользу платной медицинской помощи[3].

Тем самым в российскую медицинскую практику, как и в США, пришли коммерциализм, прагматизм и утилитарный подход. Возникло такое новое явление, как рынок медицинских услуг. Его участниками наряду с пациентами выступили медицинские учреждения, аптечные сети, а также фармацевтические компании, причем преимущественно западные. Бóльшая часть отношений между пациентами и медицинскими учреждениями превратилась в отношения договорного типа.

Новый подход государства к организации системы здравоохранения отразился в специальных законах. Так, 22 июля 1993 г. были приняты Основы законодательства об охране здоровья граждан[4], в которых была зафиксирована правовая норма о существовании двух форм оказания медицинской помощи: платной и гарантированной государством бесплатной.

---

[3] *Starr P.* The social transformation of American medicine. New York: Basic Books, 1982. P. 420–449.

[4] Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22.07.1993 № 5487-1 (здесь и далее ссылки на российское законодательство приводятся по СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 02.12.2021)).

Законодатели выстроили текст закона в соответствии с принципами международного права и стандартами Всемирной организации здравоохранения, включив в него также целый ряд положений о специальных правах граждан в сфере охраны здоровья. Появились положения о правах на охрану здоровья, на получение медицинской информации, на добровольное медицинское согласие на медицинское вмешательство или отказ от него, на получение медицинской помощи в местах лишения свободы и др.

Возникновение системы платных медицинских услуг привело к росту психологической напряженности в обществе. Приветствуя рост качества медицинского обслуживания, значительная часть граждан стала испытывать скепсис по поводу деятельности медицинских учреждений и докторов, подозревая их в корыстных намерениях. В стране усиливалось недоверие по отношению к медицинским работникам и системе здравоохранения в целом, и этот процесс достиг апогея к началу 2000-х годов. Объективно сложилась ситуация, когда для дальнейшего нормального развития системы здравоохранения потребовалось восстановление доверия к медицине и медицинским работникам со стороны остальной части общества.

Вопрос о доверии к медицине стал предметом внимания самых разных экспертов и социальных сил — ученых, политиков, журналистов. Свою позицию по нему высказала и Церковь. В августе 2000 г. были опубликованы Основы социальной концепции Русской православной церкви (далее — Основы) — свод базовых положений учения Церкви по вопросам отношений с государством, а также по ряду социально значимых проблем. В разделе «Здоровье личности и народа» было сказано об опасности низведения отношений между врачами и пациентами до чисто коммерческих, а также о недопустимости манипуляций человеком ради самых благих целей. Кроме того, отмечалось, что медицинская помощь «должна быть максимально эффективной и доступной всем членам общества, независимо от их материального достатка и социального положения. <…> критерий “жизненных потребностей” должен превалировать над критерием “рыночных отношений”. <…> Врач не должен связывать степень своей ответственности за оказание медицинской помощи исключительно с материальным вознаграждением и его величиной. <…> В то же время достойная оплата труда медицинских работников представляется важной задачей общества и государства»[5].

Еще один важный шаг Церкви в этом направлении — создание специального экспертного органа, призванного изучать проблемы развития здравоохранения, связанные с распространением биомедицинских технологий. В 1998 г. был создан Церковно-общественный совет по биомедицинской этике при Московском патриархате. В его состав вошли представители духовенства, православные врачи, философы и теологи. Совет стал собираться на заседания, на которых обсуждались наиболее животрепе-

[5] Основы социальной концепции Русской православной церкви. М.: Изд-во Московской патриархии, 2000. С. 38.

щущие вопросы развития биомедицинской практики в нашей стране и за рубежом. Акцент был сделан на том, чтобы понять, какие опасности для нравственного благополучия человека исходят от научно-технологического прогресса в сфере биомедицины и что им можно противопоставить, опираясь на учение Церкви о Боге и человеке и нравственную традицию православия. Непосредственным предметом внимания экспертов Совета оказались те формы биомедицинской практики, которые были связаны не столько с лечением, сколько с управлением человеческой жизнью — прекращением медицинской помощи больному (эвтаназия), манипулированием с эмбрионами (в контексте развития вспомогательных репродуктивных технологий), прерыванием беременности (аборт) и др. По каждому из таких вопросов эксперты подготовили соответствующие публикации, основные идеи которых отразились в принятых в 1999 г. заявлениях «О современных тенденциях легализации эвтаназии», «О нравственных проблемах, связанных с развитием новых репродуктивных технологий», «О грехе детоубийства» и др.

Первые результаты работы Совета повлияли на текст Основ. В специальном разделе, посвященном проблемам биоэтики, отмечалось, что бурное развитие биомедицинских технологий, активно вторгающихся в жизнь современного человека от рождения до смерти, вызывает серьезную озабоченность общества. Их развитие опережает осмысление возможных духовно-нравственных и социальных последствий их бесконтрольного применения. В этих условиях Церковь считает необходимым представить свое видение этих последствий и с необходимостью опирается на Божественное Откровение, на представление «о жизни как бесценном даре Божием, о неотъемлемой свободе и богоподобном достоинстве человеческой личности, призванной… к достижению совершенства Небесного Отца (Мф 5:48) и к обожению, т. е. причастию Божеского естества (2 Пет 1:4)»[6].

Специальное внимание в тексте Основ уделялось восьми биоэтическим проблемам, связанным с развитием современной биомедицинской практики: аборту, контрацепции, преодолению бесплодия с помощью репродуктивных технологий, генетической диагностике и генетической терапии, клонированию, донорству и трансплантации органов, реанимации и прекращению жизни (эвтаназии), операциям по смене пола[7]. Нет необходимости говорить, что изложение официальной позиции Церкви по этим восьми вопросам явилось теоретическим фундаментом, на котором продолжилось создание православной биоэтики. Тщательная проработка этих вопросов и привлечение дополнительных теологических аргументов к их осмыслению выступили основной задачей православной биомедицинской этики в последующий период ее развития. Другой ее задачей стала содержательная критика тех положений российского медицинского законодательства, которые зафиксировали либеральный подход к сфере

[6] Там же. С. 40.
[7] Там же. С. 40–46.

биомедицины и биомедицинских технологий. Ниже рассмотрены два направления развития православной биоэтики, связанные с осмыслением этических проблем новых репродуктивных технологий и трансплантологии.

2. Этические проблемы экстракорпорального оплодотворения

Одной из наиболее широко распространившихся биомедицинских технологий на рубеже XX и XXI вв. стала технология экстракорпорального оплодотворения (ЭКО). Впервые она была апробирована в Великобритании, где в 1978 г. родился первый в мире ребенок из пробирки — Луиза Браун. Вслед за Великобританией ЭКО нашла применение в других странах, включая Россию, где первый успешный случай ее использования имел место в 1986 г. во Всесоюзном научно-исследовательском институте акушерства и гинекологии Академии медицинских наук СССР (ныне Национальный медицинский исследовательский центр акушерства, гинекологии и перинатологии имени академика В. И. Кулакова Министерства здравоохранения РФ). С тех пор вследствие применения этой технологии во всем мире родилось несколько миллионов детей «из пробирки». На базе одного только центра акушерства, гинекологии и перинатологии с 1986 по 2018 г. родилось более 30 тыс. таких детей[8]. Лишь во Франции к 2003 г. каждое из двадцати деторождений совершалось с помощью специального лечения или применения медицинских технологий; к 2008 г. с помощью ЭКО там родилось 200 тыс. детей[9].

С момента своего возникновения технология ЭКО позиционировалась ее приверженцами как эффективное средство преодоления бесплодия и решения демографических проблем в развитых странах. В России главной силой, заявившей о своей готовности решать эти проблемы и начавшей продвигать ЭКО на национальном уровне, стала образованная в 1991 г. Российская ассоциация репродукции человека (далее — РАРЧ). В создании ассоциации приняли участие не только отечественные, но и зарубежные специалисты-репродуктологи. Это тесное международное сотрудничество обусловливалось стремлением не только решать проблемы бесплодных российских граждан, но и найти свое место на международном рынке репродуктологических услуг. К 2008 г. под эгидой РАРЧ действовало 50 крупных клиник, предоставлявших услуги ЭКО, но все они были сосредоточены в больших городах; в маленьких городах

[8] История центра // ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр акушерства, гинекологии и перинатологии имени академика В. И. Кулакова» Министерства здравоохранения РФ. URL: https://ncagp.ru/index.php?_t8=8 (дата обращения: 05.12.2021).

[9] См. об этом: *Де ля Рошеброшар Э.* Во Франции за 30 лет с помощью ЭКО родилось 200 000 детей // Демоскоп Weekly. 2009. № 365–366. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0365/analit03.php (дата обращения: 02.12.2021).

наличие таких клиник признали нецелесообразным, поскольку предоставляемые услуги там оказалось невозможно окупить[10].

С начала 1990-х годов российское государство создало режим наибольшего благоприятствования для развития новых репродуктивных технологий и в особенности ЭКО. В Основах законодательства об охране здоровья граждан 1993 г. была сформулирована особая правовая норма, фиксирующая, что «каждая совершеннолетняя женщина детородного возраста имеет право на искусственное оплодотворение и имплантацию эмбриона». Особо было определено, что услуги ЭКО осуществляются в специально лицензированных медицинских учреждениях и что они могут быть предоставлены как с «письменного согласия супругов», так и с согласия «одинокой женщины» (ст. 35). Программам ЭКО также неизменно оказывалась серьезная финансовая поддержка на государственном уровне. Первоначально средства инвестировались в основном в открытие медицинских центров, занимающихся ЭКО, позднее они стали также направляться непосредственно на поддержку граждан. В частности, в 2014 г. с целью решения проблем демографии и увеличения числа деторождений ЭКО было включено в программу обязательного медицинского страхования (далее — ОМС), что позволило воспользоваться процедурой ЭКО гражданам с низкими финансовыми возможностями. В 2010 г. государство выделило около 1,5 млрд руб. из бюджета на проведение порядка 10 тыс. процедур ЭКО по программе ОМС, а в 2019 г. уже 9,8 млрд руб. на проведение 70 тыс. процедур. По данным Счетной палаты, стоимость одной процедуры ЭКО, предоставляемой за счет средств ОМС, в 2013 г. составляла немногим более 106 тыс. руб., а в 2014 г. — 113 тыс. руб.[11]

В исторической ретроспективе нельзя не отметить, что российские власти, медицинские специалисты и многие светские эксперты рассматривали ЭКО как своеобразную волшебную палочку, способную помочь — хотя бы частично — решить стране те тяжелые демографические проблемы, которые достались ей по наследству от позднего Советского Союза. В условиях либеральной экономики, сложившейся в России в 1992 г., развитие рынка по предоставлению услуг ЭКО рассматривалось многими и как перспективное средство для преодоления застарелых проблем, связанных с недофинансированием самой медицины. Однако, рассматривая ЭКО как средство решения демографических проблем, некоторые эксперты справедливо указывали, что необходимость обращения к ЭКО чаще всего обусловлена специфическими патологиями (непроходимость маточных труб), которые обычно возникают как осложнения после абортов.

[10] Приводится по: *Корсак В. С.* Роль Российской ассоциации репродукции человека (РАРЧ) в решении демографических проблем России // Оржин. Акушерство, гинекология и репродукция. 2008. № 2. С. 5.

[11] Приводится по: *Изотова Г. С.* Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ эффективности расходования средств обязательного медицинского страхования в 2019 году и в истекшем периоде 2020 года при проведении процедуры экстракорпорального оплодотворения». М.: Счетная палата Российской Федерации, 2020. С. 13.

Н. И. Шнейдерман в 1991 г. отмечала, что 55 % случаев вторичного бесплодия возникали из-за абортов, использовавшихся как средство планирования семьи[12]. Таким образом, осознание порочности этого круга (планирование семьи, аборты, вторичное бесплодие, необходимость обращения к ЭКО) произошло уже тогда, когда данная биомедицинская технология еще только начала распространяться в России. Однако и в то время, и годы спустя эксперты не допускали другого способа решения проблемы бесплодия и продолжали рассматривать ЭКО как «необходимый компонент демографической политики»[13].

С возникновением православной биомедицинской этики большинство проблем, сопровождающих распространение ЭКО, было названо своими именами. Протоиерей Николай Балашов, предлагая теологическое осмысление этих проблем, обратил внимание на следующее. Во-первых, по учению Церкви, рождение детей — одна из важнейших целей брака, но не единственная. Высшая цель брака — «единомыслие душ и телес», поэтому целостность брачных отношений несовместима со вторжением третьей стороны — так называемого донора спермы или донора яйцеклеток. «Брак у всех да будет честен и ложе непорочно» (Евр 13:4). Во-вторых, зачатие и рождение ребенка с христианской точки зрения воспринимается как дар Божий, поэтому претензии биомедицины в полной мере решать вопросы зачатия и деторождения выступают попыткой занять место Творца. При этом участие Бога в творении каждой человеческой жизни придает человеческому эмбриону особое достоинство, наделяет его чертами личности. «Ты устроил внутренности мои и соткал меня во чреве матери моей» (Пс 138:13). Поэтому, констатировал протоиерей Николай Балашов, «Православная церковь настаивает на неприкосновенности жизни человеческого плода или эмбриона на любой стадии развития»[14]. Утверждая идею о неприкосновенности жизни человеческого эмбриона, этот православный ученый недвусмысленно указал на то, что в современной биомедицинской практике имеет место такой тип обращения с эмбрионом, когда тот воспринимается всего лишь как рядовой биологический объект. Эмбрионы заготавливаются, замораживаются, складируются, размораживаются, переносятся, разрушаются и уничтожаются. В ходе этих манипуляций происходит намеренное пренебрежение их человеческим достоинством.

Протоиерей Максим Обухов также предложил биоэтическую трактовку биомедицинских манипуляций с эмбрионами. Он сфокусировал внимание на обладании эмбриона статусом личности, причем с самого момента зачатия, т. е. оплодотворения яйцеклетки. При этом он подверг

[12] *Шнейдерман Н. А.* Откровенный разговор: рождаемость и меры ее регулирования. М.: Мысль, 1991. С. 99.

[13] *Русанова Н. Е.* Вспомогательные репродуктивные технологии в России: история, проблемы, демографические перспективы // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11, № 1. С. 85.

[14] *Николай (Балашов), прот.* Репродуктивные технологии: дар или искушение // Православие и проблемы биоэтики. С. 73–76.

критике градуалистскую теорию, набирающую силу среди некоторых светских теоретиков биоэтики; согласно этой теории эмбрион приобретает черты человеческой личности постепенно. Именно в Советском Союзе, где впервые в истории были легализованы аборты, в сознании общественности постепенно распространилась мысль о том, что до 12 недель от момента зачатия эмбрион человеком не является и поэтому может быть уничтожен. Навязывание российскому обществу этой мысли, по словам протоиерея Максима Обухова, стало началом распространения «культуры детоубийства»[15]. Как ни печально, но эта «культура» пережила Советский Союз и продолжает воспроизводиться в настоящее время в рамках биомедицинской практики уничтожения «лишних» эмбрионов.

Профессор философии И. В. Силуянова также посвятила ряд своих исследований этическим проблемам ЭКО. В одной из ранних работ, затрагивающих эти вопросы с позиций православной биоэтики, она сформулировала семь тезисов, позволяющих осветить проблему с разных сторон: 1) рождение детей — одна из основных, но не единственная цель брачных отношений; 2) донорство половых клеток размывает семейные отношения, поскольку предполагает наличие у ребенка «генетических» родителей наряду с родителями «социальными»; 3) суррогатное материнство противоестественно и морально недопустимо; этот метод пренебрегает той глубокой эмоциональной и духовной близостью, которая устанавливается между матерью и ребенком во время беременности; 4) с православной точки зрения, все практики, сопровождающие ЭКО, — заготовление, консервация, намеренное разрушение и пр., — представляются нравственно недопустимыми на основании того, что у человеческого эмбриона признается наличие человеческого достоинства; 5) лишение жизни нерожденного существа по причине нежелательного для родителей пола или наличия врожденной болезни является безнравственным; 6) реализация так называемых репродуктивных прав одинокими женщинами или лицами с нетрадиционной сексуальной ориентацией лишает будущего ребенка возможности иметь отца, а также способствует разрушению традиционных семейных отношений; 7) применение технологии ЭКО из-за характерного для нее метода гиперстимуляции яичников связано с риском развития у женщин онкологических заболеваний и частыми нарушениями здоровья у зачатых таких образом детей[16].

В октябре 1999 г. Церковно-общественный совет по биомедицинской этике подготовил первое из серии заявлений о нравственных проблемах, связанных с развитием репродуктивных технологий. В нем аккумулированы многие биоэтические положения, высказанные участвующими в его работе православными учеными. Особо отмечено, что попытка преодолеть недуг бесплодия с помощью новых технологий представляет собой угрозу

[15] *Максим (Обухов), прот.* Этический аспект манипуляций над эмбрионами // Там же. С. 85.

[16] *Силуянова И. В.* Биоэтика в России: ценности и законы. М.: Грантъ, 2001. С. 99–100.

для физического здоровья и духовной целостности человека, для сохранения нравственных устоев общества. Все более широкое использование ЭКО не только сопровождается практикой уничтожения человеческих эмбрионов, но и порождает соблазн рассматривать формирующуюся жизнь как продукт, который можно выбирать согласно своим склонностям. «Человеческая жизнь становится предметом купли-продажи»[17].

В следующие годы проработка вопроса об ЭКО стала одним из важнейших направлений развития православной биоэтики. Так, архимандрит Мелхиседек (Артюхин) предложил рассматривать искусственное оплодотворение как форму «медикализации греха», а также разновидность богоборчества, «осуществляемого под прикрытием защиты автономии человека и превратно понимаемой свободы личности»[18]. Протоиерей Игорь Аксенов заметил, что «современная наука хотя и многое знает о физических аспектах зачатия, но ничего не может сказать о метафизике зачатия… [о том,] что человек сотворен по образу Триипостасного Бога»[19]. Он также указал на существование связи между идеей прогресса и постепенным отвержением христианских ценностей и мировоззрения вместе с присущей ему ценностью человеческого достоинства. Преподаватель биомедицинской этики Л. Б. Ляуш выделил пять главных проблем, характеризующих распространение технологии ЭКО: 1) гибель «лишних» эмбрионов; 2) влияние процедуры ЭКО на здоровье женщины и детей, рожденных in vitro; 3) кризис идентичности личности ребенка из-за отсутствия в семье, где он родится, отца; 4) суррогатное материнство; 5) юридические конфликты из-за реализации права собственности на эмбрион[20]. Публикации по этой тематике, представленные с позиции православной биоэтики, появляются до сих пор.

Как показано выше, некоторые биоэтические предложения, подготовленные православными учеными, были сопряжены с критикой появляющихся правовых норм и государственных решений, направленных на поддержку ЭКО. После включения процедуры ЭКО в программу ОМС в 2014 г. эксперты Церковно-общественного совета представили Заявление о негативных последствиях государственного финансирования методик искусственного оплодотворения. В нем отмечалось, что процедура ЭКО несет в себе разрушающий для традиционной семьи потенциал, предусматривает уничтожение огромного числа человеческих эмбрионов, мало способствует решению демографических проблем современного российского общества. В заключительной части заявления отмечалось, что Совет

[17] Заявление о нравственных проблемах, связанных с развитием новых репродуктивных технологий // Православие и проблемы биоэтики. С. 90.

[18] *Мелхиседек (Артюхин), архим.* Медикализация греха и искусственное оплодотворение // Там же. С. 387.

[19] *Игорь (Аксенов), прот.* Прогресс и человеческое достоинство. Этические вопросы современных вспомогательных репродуктивных технологий // Там же. С. 412.

[20] *Ляуш Л. Б.* Этические проблемы вспомогательных репродуктивных технологий // Там же. С. 428–440.

считает государственное финансирование программ ЭКО неприемлемым и предлагает перенаправить отпускаемые на них средства на предупреждение абортов: если количество абортов сократится хотя бы на 10 %, то это приведет к сохранению 200 тыс. человеческих жизней ежегодно[21].

Технология ЭКО и вообще новые репродуктивные технологии остаются этическим минным полем современного российского общества, где всякое новое технологическое решение (например, возрастающий интерес к методике геномного редактирования эмбриона) вызывает обоснованную реакцию со стороны православных ученых. И это неудивительно. Биотехнологические опыты в сфере искусственного создания человека не сводятся только к борьбе с бесплодием и решением демографических проблем; в них дает знать о себе фаустовское стремление к разоблачению тайны человеческой жизни с целью обретения над ней новой власти. В свою очередь, развитие православной биоэтики менее всего выглядит нелепой попыткой затормозить научный прогресс. Работающие на этом поприще ученые неустанно подчеркивают, что их задача — защита человеческого достоинства, традиционной семьи и других христианских ценностей.

3. Трансплантология в перспективе православной биоэтики

Системный кризис отечественного здравоохранения, продолжавшийся все 1990-е годы, сказался на том, что многие виды сложной, высокотехнологичной помощи практически перестали оказываться населению. Так, резко сократилось количество хирургических вмешательств, связанных с пересадкой органов. Причем именно в это самое время в мировой медицинской науке были разработаны новые, более эффективные методы трансплантации, позволившие существенно увеличить количество таких операций и расширить объем помощи пациентам. Когда в самом начале 2000-х годов наметились первые признаки преодоления кризиса, количество выполняемых трансплантаций в России вновь начало расти. Но именно в тот момент в СМИ широко распространилась информация о том, что в сфере трансплантационной медицины расцвели криминал и коррупция, а трансплантологи якобы забирают органы у еще живых людей. Предметом особенно острого общественного возмущения стала распространившаяся в СМИ информация о случае в 20-й московской больнице, когда, по словам журналистов, трансплантологи изъяли донорские органы у пациента с еще бьющимся сердцем (этот пациент был подключен к аппарату искусственной вентиляции легких)[22].

---

[21] Заявление о негативных последствиях государственного финансирования методик искусственного оплодотворения // Там же. С. 397.

[22] См. подробнее: *Михель Д. В.* Социокультурный контекст развития органного донорства в России: медико-антропологический анализ // Апории современной трансплантологии / под ред. О. Н. Резника. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2019. С. 236–237.

Происшествие в 20-й больнице впоследствии не раз становилось темой разоблачительных публикаций в СМИ, породив в обществе массу слухов о злоупотреблениях в сфере трансплантологии. Устойчивость этих слухов оказалась еще одним свидетельством недоверия общества к системе здравоохранения, о котором сказано выше. По результатам специально проведенного позднее социологического исследования Левада-Центра[23] было установлено, что в общественном сознании российских граждан вопросы, касающиеся донорства и трансплантации органов, остаются неотрефлексированными, а практика донорства органов имеет низкую степень одобрения среди населения[24].

Между тем для регулирования этой сферы медицинской практики еще 22 декабря 1992 г. был принят Закон РФ № 4180-1 «О трансплантации органов и/или тканей человека». Однако его принятие, произошедшее в самый разгар либеральных экономических реформ, попросту осталось не замеченным населением, и лишь весьма узкая группа экспертов из числа светских ученых приняла участие в его подготовке[25].

Представители Церкви включились в обсуждение вопроса о донорстве и трансплантации органов уже после принятия этого закона. В 1994 г. митрополит Сурожский Антоний в беседе с руководителем религиозной программы Русской службы Би-би-си протоиереем Сергием Гаккелем, обсуждая проблемы современной медицинской этики, уделил специальное внимание донорству и трансплантации. Владыка Антоний выразил свое общее положительное отношение к методу лечения путем пересадки органов, заметив, что не видит каких-то «всецерковных запретов» по поводу этого метода. Рассуждая о том, можно ли переносить сердце из тела одного человека в тело другого, он заметил: «Лично у меня чувство, что есть вещи пусть и неидеальные, но которые можно делать ради того, чтобы сохранить жизнь человеку и дать ему возможность действовать дальше»[26]. Отдельно он рассмотрел вопрос о получении прижизненного согласия на изъятие донорских органов у людей после их смерти, опираясь здесь, очевидно, на зарубежный опыт, поскольку в России после 1992 г. законодательно был определен другой, основанный на презумпции согласия. Интересными выглядели также его рассуждения о святости тела, возможности его дезинтеграции, а также донорстве как христианской жертве «за други своя»: «Мне это представляется даром, который человек имеет право принести и который мы имеем право принять с благоговением, с трепетом ду-

---

[23] Организация включена в реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента. — *Ред.*

[24] См. об этом: *Караева О.* Донорство органов: проблемы и перспективы развития в России. М.: Аналитический центр Юрия Левады, 2013. С. 22–23.

[25] Там же.

[26] *Антоний (Сурожский), митр.* Вопросы медицинской этики: беседа с руководителем религиозной программы Русской службы Би-Би-Си «Воскресение» протоиереем Сергием Гаккелем 30 июля — 10 декабря 1994 года // Антоний (Сурожский), митр. Труды: в 3 кн. Кн. 1. 2-е изд. М.: Практика, 2012. С. 49.

шевным»[27]. Затронул он также и непростую проблему принятия решений о том, кому из пациентов, нуждающихся в пересадке, отдать дефицитный донорский орган. Не входя в сложные медицинские и организационные вопросы, связанные с этой ситуацией, владыка Антоний резюмировал свое видение того, каким должен быть врач-трансплантолог, принимающий такие решения: «По отношению к врачу можно было бы сказать то, что святой Максим Исповедник говорил о богослове: у него должно быть пламенное сердце и ледяной мозг»[28].

Когда в 1998 г. с благословения патриарха Алексия II был создан Церковно-общественный совет по биомедицинской этике, вошедшие в него православные ученые не стали специально рассматривать вопрос о донорстве и трансплантации. Вместе с тем данная проблематика в целом не осталась без внимания православных экспертов. В частности, в Основах социальной концепции было представлено исчерпывающее мнение Церкви по данному вопросу. Прежде всего указывалось, что Церковь не возражает против развития данного метода оказания медицинской помощи, но при этом категорически отвергает возможную «коммерциализацию трансплантационной деятельности», «недобросовестную пропаганду донорства» и практику купли-продажи человеческих органов. Также подчеркивалось, что пересадка органов может основываться «только на добровольном самопожертвовании ради спасения другого человека», и тогда согласие донора на изъятие у него органа «становится проявлением любви и сострадания». Кроме того, указывалось на моральную недопустимость изъятия органа у прижизненного донора, если это будет угрожать его здоровью. В вопросе же о получении органов от посмертных доноров было прямо указано на необходимость исключения всякой неясности «в определении момента смерти»[29]. Нельзя не заметить, что это мнение своеобразно предвосхитило этическую реакцию общества на ситуацию с изъятием органов у посмертного донора, случившуюся в 20-й больнице спустя три года после публикации Основ. Неясность в определении момента смерти осталась, а общественность к этому моменту так и не была проинформирована о том, когда, кто и как должен осуществлять манипуляции с телом умершего человека, и ни СМИ, ни крупные медицинские руководители не успели должным образом пролить свет на этот вопрос.

Не менее значимым стало замечание о недопустимости сокращения жизни одного человека (донора) ради продления жизни другого (реципиента). Этим замечанием авторы текста Основ обозначили свою позицию в отношении потенциальных сговоров между донорами, реципиентами и прочими сторонами, готовыми применить рыночный подход к практике получения органов. Четкую позицию они изложили и по поводу вопроса о посмертном дарении или завещании: оно не может считаться обязан-

[27] *Антоний (Сурожский), митр.* Вопросы медицинской этики… С. 51.
[28] Там же. С. 52.
[29] Основы социальной концепции Русской православной церкви. С. 43–44.

ностью человека. Вследствие этого в тексте Основ появилось положение о важности «добровольного прижизненного согласия донора как условия правомерности и нравственной приемлемости» изъятия органа. Фактически этим положением Церковь высказалась за презумпцию несогласия на изъятие органов у посмертных доноров и выступила против зафиксированной в законе 1992 г. нормы о презумпции согласия. Наконец, в том же документе Церковь высказалась против метода ксенотрансплантации, отметив, что пересадка человеку органов, взятых от животных, может «повлечь за собой угрозу идентичности реципиента», затронув уникальность его как личности и как представителя человеческого рода[30].

Весьма примечательно, что в тексте Основ позиция Церкви по донорству и трансплантации органов связана с еще одной важной биоэтической проблемой — эвтаназией. Отмечая, что для этически обоснованной практики получения донорских органов крайне важна проблема правильной констатации момента смерти, авторы текста справедливо указали на новую ситуацию в практическом здравоохранении, порожденную развитием технологий реанимации и появлением в медицинских учреждениях аппаратов искусственной вентиляции легких. «Акт смерти превращается таким образом в процесс умирания, зависимый от решения врача»[31], что, согласно представлениям Церкви, налагает на современную медицину особую ответственность. Кроме того, проблема эвтаназии стала одним из первых вопросов, с которых началась православная биомедицинская этика в России. Уже в 1999 г. ряд экспертов Церковно-общественного совета указал на недопустимость признания эвтаназии приемлемой практикой и потребовал расценивать ее как убийство[32]. Данная позиция обнародована и в специальном заявлении о недопустимости эвтаназии, подготовленном Советом[33]. Внимание православных теологов к вопросу об эвтаназии не было случайным. С момента распада СССР и формирования рыночной экономики в российском обществе широко распространилось ощущение уязвимости человеческой жизни перед лицом обезличенных институтов, в том числе медицинских учреждений, и Церковь не могла не отреагировать на него.

В отличие от проблем, связанных с развитием ЭКО и репродуктивных технологий, вопросы, касающиеся трансплантологии (определение момента смерти, изъятие и распределение донорских органов и др.), не вызывали столь постоянного внимания и тщательной проработки. Впрочем, это не значит, что Церковь постепенно дистанцировалась от них. Так, в июне 2013 г. Церковь обратилась к россиянам с призывом активнее завещать свои органы для трансплантации, и соответствующее заявление синодальных ор-

---

[30] Там же. С. 44.

[31] Там же.

[32] См. об этом: *Анатолий (Берестов), иг.* Проблема эвтаназии в контексте пастырского и врачебного опыта // Православие и проблемы биоэтики. С. 55–59; *Кондратьев Ф. В.* Православно-этические проблемы эвтаназии // Там же. С. 60–65.

[33] Заявление о современных тенденциях легализации эвтаназии в России // Православие и проблемы биоэтики. С. 66–67.

ганов попало в СМИ. Отмечалось, что, давая согласие на посмертное изъятие своих органов, человек совершает «подлинно христианский поступок». Подчеркивалось также, что «Христос пришел в этот мир, чтобы добровольно принести себя в жертву и отдал свою плоть и кровь для спасения мира», поэтому все христиане должны следовать его примеру и «жертвовать собой ради других». Также сообщалось, что, с точки зрения Церкви, при изъятии органов должна действовать презумпция несогласия и это должно способствовать развитию общественной солидарности. Высказывалось однозначное отрицание практики изъятия органов в частных клиниках, поскольку это может создать благоприятную почву для разных злоупотреблений[34].

В системе традиционных христианских ценностей особыми ценностями всегда считались человеческая индивидуальность и жертвенность во имя ближнего. Поэтому столь значительных возражений против донорства и трансплантации, сравнимых с возражениями против ЭКО, православные ученые не высказывали. Главной проблемой трансплантологии, с точки зрения православной биоэтики, остается подход, исключающий презумпцию несогласия, унаследованный современной российской трансплантологией от советских времен, когда трансплантации органов были медицинским курьезом, а получение органов от посмертных доноров еще не было поставлено на поток. Возражая против презумпции согласия, православная биоэтика отвергает саму возможность медицинского манипулирования личностью и решениями умершего человека по поводу его тела и органов. Эта позиция обусловлена тем, что до настоящего времени вся сфера трансплантологии продолжает регулироваться правовыми нормами, принятыми на волне либерализации российского медицинского законодательства еще в начале 1990-х годов, когда голос православной общественности был недостаточно громок.

Заключение

Эпоха либеральных реформ в отечественной системе здравоохранения уходит в прошлое, но ее наследие все более остро переживается православной общественностью, воспринимающей ее как время, когда были заложены правовые основы не только для предоставления медицинской помощи в форме платных медицинских услуг, но и для применения новых медицинских методов, позволяющих вмешиваться в человеческую жизнь на всем ее протяжении — от рождения и до смерти. Именно в ту эпоху в России началось ускоренное распространение биомедицинского знания и технологий, предоставляющих непосредственную возможность для такого вмешательства. Реакция православных ученых и православной общественности на эти процессы впервые оформилась ближе к 2000-м годам, когда целый ряд

[34] *Зыков К.* РПЦ призвала россиян жертвовать органы для трансплантации // KM.RU. Здоровье. 11.06.2013. URL: https://www.km.ru/zdorove/2013/06/11/donorstvo/712929-rpts-prizvala-rossiyan-zhertvovat-organy-dlya-transplantatsii (дата обращения: 02.12.2021).

биомедицинских практик уже стал рутиной и был масштабирован в рамках новой системы здравоохранения. Когда в 2006 г. Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл выступил со специальным докладом о развитии биотехнологий в России, окончательно стало ясно, что без серьезной общественной дискуссии о путях дальнейшего развития биомедицины в нашей стране не обойтись.

После этого выступления прошло уже более полутора десятков лет, и можно констатировать, что такая дискуссия по-прежнему актуальна. Ее дальнейшее продолжение позволит не упускать из виду нравственные проблемы, возникающие в связи с ничем не ограниченным биомедицинским прогрессом и отсутствием его должного критического осмысления. Если ради блага человеческого субъекта он сам при этом низводится до уровня биологического материала, это значит, что человеческой личности угрожает опасность исчезновения в качестве ценности. Поэтому нельзя не признать, что православная биоэтика, включившись в дискуссию о биотехнологиях, призвана в современной России стать не только одним из компонентов теологического знания, но и средством защиты человеческой личности перед лицом новых исторических вызовов базовым христианским ценностям.

Статья поступила в редакцию 18 января 2022 г.;
рекомендована к печати 3 марта 2022 г.

Контактная информация:

Михель Дмитрий Викторович — д-р филос. наук, проф., вед. науч. сотр.; dmitrymikhel@mail.ru
Резник Олег Николаевич — д-р мед. наук, проф.; onreznik@gmail.com

Biomedicine and the challenge to Christian values: Orthodox bioethics in the age of biomedical technologies*

D. V. Mikhel'[1,2], *O. N. Reznik*[3,4]

[1] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
82, pr. Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation
[2] Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
32A, Leninsky pr., Moscow, 119334, Russian Federation
[3] Pavlov First St Petersburg State Medical University,
6–8, ul. L'va Tolstogo, St Petersburg, 197022, Russian Federation
[4] St Petersburg Research Institute of Emergency Medicine,
3, Budapeshtskaya ul., St Petersburg, 192242, Russian Federation

For citation: Mikhel' D. V., Reznik O. N. Biomedicine and the challenge to Christian values: Orthodox bioethics in the age of biomedical technologies. *Issues of Theology*, 2022, vol. 4, no. 2, pp. 241–259. https://doi.org/10.21638/spbu28.2022.205

For thirty years Russia has been living under the conditions of a market economy, and the age of biomedical technology has coexisted for the same amount of time. The Orthodox community views the progress of biomedicine as a challenge to

* The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research according to the research project no. 21-011-44043.

Christian values that needs adequate ethical reflection and response. The response to this challenge is articulated by Orthodox bioethics, which is a systematic knowledge of the boundaries of permissible biomedical manipulation of human life and death. Orthodox scientists who develop bioethics see their task as protecting human dignity, the traditional family, and other Christian values from the dangers posed by the consequences of the spread of new technologies. Ethical problems associated with the spread of in vitro fertilisation (IVF) technology continue to be of relevance for Orthodox bioethics all these years, since they allow the manipulation of human embryos not as individuals, but as simple biological objects. Some of the bioethical proposals drafted by Orthodox scientists have been paired with criticisms of emerging legal regulations and government decisions aimed at supporting IVF. Equally important to Orthodox bioethics are the problems associated with the development of transplantology, since in Russia the legal framework allows organ donation from a deceased donor based on the presumption of consent. Now, the field of transplantology continues to be regulated by legal norms adopted in the early 1990s, which explains the willingness on the part of Orthodox scientists to challenge some of these norms.

Keywords: biomedical technologies, Christian values, Orthodox bioethics, in vitro fertilisation, embryos, transplantology, organ harvesting.

References

Aksenov Igor', prot. (2017) "Progress and human dignity. Ethical issues of modern assisted reproductive technologies", in *Pravoslavie i problemy bioetiki: po materialam sbornikov Tserkovno-obshchestvennogo Soveta po biomeditsinskoi etike*, pp. 401–422. Moscow, Patriarshaia komissiia po voprosam sem'i, zashchity materinstva i detstva Publ. (In Russian)

Anatolii (Berestov), ig. (2017) "The problem of euthanasia in the field of professional pastoral and medical experience", in *Pravoslavie i problemy bioetiki: po materialam sbornikov Tserkovno-obshchestvennogo Soveta po biomeditsinskoi etike*, pp. 55–59. Moscow, Patriarshaia komissiia po voprosam sem'i, zashchity materinstva i detstva Publ. (In Russian)

Antonii (Surozhskii), metr. (2012) "Questions of medical ethics. Conversation with the head of the religious program of the BBC Russian Service 'Resurrection' Archpriest Sergei Gakkel, July 30 — December 10, 1994", in *Antonii (Surozhskii), metr. Trudy*. In 3 books, book 1, 2nd ed., pp. 39–58. Moscow, Praktika Publ. (In Russian)

Balashov Nikolai, prot. (2017) "Reproductive technology: Gift or temptation", in *Pravoslavie i problemy bioetiki: po materialam sbornikov Tserkovno-obshchestvennogo Soveta po biomeditsinskoi etike*, pp. 71–83, Moscow, Patriarshaia komissiia po voprosam sem'i, zashchity materinstva i detstva Publ. (In Russian)

De la Roshebroshar E. (2009) "In-vitro fertilization in France: 200 000 'test-tube' babies in the last 30 years", in *Demoskop Weekly*, no. 365–366. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0365/analit03.php (accessed: 02.12.2021). (In Russian)

Izotova G. S. (2020) *Report on the results of the expert-analytical event "Analysis of the efficiency of spending the funds of compulsory medical insurance in 2019 and in the past period of 2020 during the in vitro fertilization procedure"*. Moscow, Schetnaia palata Rossiiskoi Federatsii Publ. (In Russian)

Karaeva O. (2013) *Organ donation: problems and development prospects in Russia*. Moscow, Analiticheskii tsentr Iuriia Levady Publ. (In Russian)

Kirill, His Holiness Patriarch of Moscow and All Russia. (2017) "On human dignity and biotechnology", in *Pravoslavie i problemy bioetiki: po materialam sbornikov Tserkovno-obshchestvennogo Soveta po biomeditsinskoi etike*, pp. 21–30. Moscow, Patriarshaia komissiia po voprosam sem'i, zashchity materinstva i detstva Publ. (In Russian)

Kondrat'ev F. V. (2017) "Orthodox-ethical problems of euthanasia", in *Pravoslavie i problemy bioetiki: po materialam sbornikov Tserkovno-obshchestvennogo Soveta po biomeditsinskoi etike*, pp. 60–65, Moscow, Patriarshaia komissiia po voprosam sem'i, zashchity materinstva i detstva Publ. (In Russian)
Korsak V.S. (2008) "The role of the Russian Association of Human Reproduction (RAHR) in solving the demographic problems of Russia", in *Orzhin. Akusherstvo, ginekologiia i reproduktsiia*, no. 2, pp. 3–5. (In Russian)
Lyaush L.B. (2017) "Ethical issues of assisted reproductive technologies", in *Pravoslavie i problemy bioetiki: po materialam sbornikov Tserkovno-obshchestvennogo Soveta po biomeditsinskoi etike*, pp. 428–440, Moscow, Patriarshaia komissiia po voprosam sem'i, zashchity materinstva i detstva Publ. (In Russian)
Melkhisedek (Artiukhin), arkhim. (2017) "Medicalization of sin and artificial insemination", in *Pravoslavie i problemy bioetiki: po materialam sbornikov Tserkovno-obshchestvennogo Soveta po biomeditsinskoi etike*, pp. 383–389, Moscow, Patriarshaia komissiia po voprosam sem'i, zashchity materinstva i detstva Publ. (In Russian)
Mikhel' D.V. (2019) "Socio-cultural context of the development of organ donation in Russia: Medical and anthropological analysis", in *Aporii sovremennoi transplantologii*. Ed. by O.N. Reznik, pp. 216–246. Moscow, Kanon+ Publ., ROOI "Reabilitatsiia" Publ. (In Russian)
Obukhov Maksim, prot. (2017) "Ethical aspect of embryo manipulation", in *Pravoslavie i problemy bioetiki: po materialam sbornikov Tserkovno-obshchestvennogo Soveta po biomeditsinskoi etike*, pp. 84–88, Moscow, Patriarshaia komissiia po voprosam sem'i, zashchity materinstva i detstva Publ. (In Russian)
Rusanova N.E. (2103) "Assisted reproductive technologies in Russia: history, problems, demographic prospects", in *Zhurnal issledovanii sotsial'noi politiki*, vol. 11, no. 1, pp. 69–86. (In Russian)
Shneiderman N.A. (1991) *Straight talk: Fertility and measures of its regulation*. Moscow, Mysl' Publ. (In Russian)
Siluianova I.V. (2001) *Bioethics in Russia: Values and laws*. Moscow, Grant" Publ. (In Russian)
Starr P. (1982) *The social transformation of American medicine*. New York, Basic Books.
Zykov K. (2013) "Russian Orthodox Church urged Russians to donate organs for transplantation", in *KM.RU.Zdorov'e*. June 11, 2013. URL: https://www.km.ru/zdorove/2013/06/11/donorstvo/712929-rpts-prizvala-rossiyan-zhertvovat-organy-dlya-transplantatsii (accessed: 02.12.2021). (In Russian)

Received: January 18, 2022
Accepted: March 3, 2022

Authors' information:

Dmitry V. Mikhel' — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; dmitrymikhel@mail.ru
Oleg N. Reznik — M.D., Professor; onreznik@gmail.com